

необходимы въ трудѣ каждаго юнаго писателя, имѣвшаго дѣло съ обширнѣйшей литературой. Всѣ эти недостатки легко могутъ быть исправлены при самомъ незначительномъ трудѣ съ его стороны. Принимая во вниманіе все это, я признаю сочиненіе г. Бугославскаго не только заслуживающимъ кандидатской степени, но и такимъ трудомъ, который желательно было бы видѣть въ печати“.

5. Исправляющаго должность доцента Ильи Громогласова о сочиненіи студента *Бутомо Павла*: „Греки и южно-руссѣ въ исторіи книжно-обрядовыхъ исправленій при п. Никонѣ“:
„Не смотря на первостепенное значеніе для начальной исторіи русскаго раскола всесторонняго уясненія вопроса о главныхъ дѣятеляхъ и образцахъ книжной справы при п. Никонѣ, вопросъ этотъ въ настоящее время еще далеко не можетъ считаться разработаннымъ съ надлежащею полнотою. Сходясь въ признаніи того, что основную идею книжно-обрядоваго исправленія въ указанную эпоху составляла мысль о возстановленіи обрядоваго единства русскаго церкви съ греческою, ученые изслѣдователи не одинаково рѣшаютъ вопросъ о томъ, кто были ближайшими и непосредственными проводниками этой мысли въ жизнь и въ практику печатнаго двора въ половинѣ XVII в. Между тѣмъ, какъ одни настойчиво отмѣчаютъ первостепенное значеніе въ этомъ случаѣ пришельцевъ съ православнаго востока (внушенія восточныхъ іерарховъ и дѣятельность Арсенія грека), другіе обращаютъ вниманіе на участіе въ справѣ южно-руссѣ (напр. Епифанія Славинецкаго) и признаютъ необходимымъ обращеніе къ южно-русскимъ печатнымъ изданіямъ для рѣшенія вопроса объ источникахъ и образцахъ никоновской справы. Въ виду такого разногласія по указанному вопросу, задача автора разсматриваемаго сочиненія состояла въ томъ, чтобы разобратъ въ противорѣчивыхъ воззрѣніяхъ и подвергнуть ихъ основанія тщательной критической провѣркѣ. Во исполненіе этой задачи г. Бутомо составилъ обширное (407 стр.) изслѣдованіе въ пяти главахъ (гл. I: греки до п. Никона; гл. II: южно-руссѣ до п. Никона; гл. III: греки при п. Никонѣ; гл. IV: южно-руссѣ при п. Никонѣ; гл. V: сличеніе московскаго Служебника 1655 года съ греческимъ подлинникомъ и южно-русскими служебниками), общій выводъ котораго можно формулировать его собствен-

ными словами такъ: „все, что было нехорошаго въ никоновскихъ реформахъ, все, что вызвало русскій расколъ (разумеется, за исключеніемъ причинъ, таившихся въ самой русской жизни), должно связывать съ именами грековъ; все хорошее, цѣнное, всю дѣйствительную работу никоновскихъ реформъ должно связывать съ именами южно-русовъ и московскимъ реформаторскимъ кружкомъ временъ п. Іосифа“ (стр. 230—231).

Нельзя сказать, что автору удалось убѣдительно доказать и твердо обосновать этотъ свой взглядъ. Въ одностороннемъ увлеченіи своею мыслью онъ тенденціозно истолковываетъ въ ея пользу, хотя и съ большою натяжкой, историческія свидѣтельства (напр. на стр. 242; ср. стр. 269 и др.), игнорируетъ общезвѣстные факты (напр. касающіеся участія Арсенія грека въ переводѣ и исправленіи книгъ, стр. 209—229) и наоборотъ—передаетъ, какъ безспорные факты, свои неосновательныя предположенія (напр., приписывая на стр. 326 Епифанію Славинецкому составленіе предисловія къ Служебнику 1655 г. и т. п.), при чемъ безъ нужды пестритъ свою рѣчь излишне-запальчивыми выраженіями относительно не пользующихся его сочувствіемъ грековъ. Вообще отсутствіе строгой объективности и спокойной исторической критики составляетъ главный недостатокъ разсматриваемаго сочиненія. Тѣмъ не менѣе ему нельзя отказать въ нѣкоторыхъ положительныхъ качествахъ: авторъ много прочиталъ, по многимъ частнымъ вопросамъ установилъ вѣрные взгляды и высказалъ дѣльныя соображенія; изложилъ свои мысли языкомъ живымъ и литературнымъ. Въ виду этого сочиненіе можетъ быть признано удовлетворительнымъ для своей цѣли“.

6. Экстраординарнаго профессора Александра Голубцова о сочиненіи студента *Величкина Николая*: „Богослуженіе Великой Константинопольской церкви на основаніи Типика, изданнаго проф. Дмитріевскимъ“:

„Охарактеризовавъ изданный проф. Дмитріевскимъ Типикъ Великой Константинопольской церкви со стороны его содержанія и состава, авторъ переходитъ къ подробному анализу заключающагося въ немъ литургическаго матеріала и разсматриваетъ его приблизительно въ томъ порядкѣ, въ какомъ изложенъ онъ въ самомъ памятникѣ. Богослу-

женіе синаксарнаго круга и преимущественно двенадесятых и нѣкоторыхъ другихъ праздниковъ, начиная съ новолѣтія и кончая памятями малоизвѣстныхъ святыхъ, составляетъ предметъ первой и большей части всего сочиненія. Службы предпостныя, великопостныя, пасхальныя и послѣпасхальныя до недѣли всѣхъ святыхъ обозрѣваются во второй части, подраздѣленной на двѣ главы, соответственно Постной и Цвѣтной Трїодямъ. Мѣстный календарь, а именно праздники, установленные въ память основанія Царяграда и освященія церковей, въ воспоминаніе избавленія его отъ землетрясеній и нашествія варваровъ, въ честь бывшихъ въ Византіи вселенскихъ соборовъ и святыхъ составляютъ содержаніе третьей и послѣдней части сочиненія. Ни въ началѣ его, ни потомъ авторъ не выясняетъ причинъ принятаго имъ плана въ изложеніи, и для читателя остается непонятнымъ, на какомъ основаніи календарь Великой церкви совершенно отдѣленъ отъ обще-церковнаго мѣсяцеслова и, если настояла неотложная надобность въ выдѣленіи изъ послѣдняго перваго, почему было не помѣстить службы мѣстныхъ праздниковъ въ особой главѣ первой части сочиненія? Задавшись мыслию возможно полнѣе изобразить богослуженіе Великой церкви, авторъ видимо не хотѣлъ обходить молчаніемъ въ своихъ рѣчахъ ни одного праздника, ни одной памяти. Но это стремленіе его сопровождалось весьма невыгодными для его сочиненія послѣдствіями. Автору не рѣдко приходилось говорить о такихъ праздникахъ и памятяхъ, о которыхъ Типикъ или говоритъ очень кратко, или даже совсѣмъ не упоминаетъ. Недостающее онъ восполнялъ изъ другихъ однородныхъ и одновременныхъ съ Типикомъ памятниковъ, чего темой прямо не требовалось, или ограничивался голымъ почти перечнемъ памятей святыхъ (стрр. 157—179). То и другое стоило автору немалыхъ усилій и времени, и онъ, погнавшись за многими и второстепенными, не успѣлъ сдѣлать главнаго и, добавимъ отъ себя, болѣе труднаго и интереснаго: не далъ никакого представленія о всеневныхъ службахъ. Получилось по его собственному признанію (см. планъ сочиненія, а также стрр. 188—189. 195. 209. 214), работа безъ начала и, пожалуй, безъ объяснительнаго ключа къ праздничному богослуженію св. Софїи. Этимъ можно отчасти объяснить и другіе менѣ

существенные недостатки сочинения и прежде всего его небезупречную внѣшность. Не говоря уже объ опискахъ и орфографическихъ ошибкахъ (стрр. 18, 145, 168, 188, 193, 201, 230, 233, 250, 281, 331, 335, 340, 371), многихъ неточныхъ и нелитературныхъ фразъ (стрр. 46, 55, 63, 80, 91, 184, 188, 195, 201, 215, 230, 271, 306, 328), сочинение переполнено греческими текстами и множествомъ иностранныхъ словъ (аттребуты, кинониконъ, прогрессивно, дефектны, лутиръ, ниптиръ, вапнестиріонъ, синоронъ, структура, солидаренъ, минологіиный, интенсивность, диссонируетъ, манускриптъ, репертуаръ, топологическій и друг.). Вообще у автора есть дурная привычка писать не просто, изысканно и многословно. Изрѣдка встрѣчаются у него противорѣчивыя и нѣсколько своеобразныя сужденія (74, 123, 183, 215, 218—219, 231, 233), поспѣшные выводы, совсѣмъ непонятныя или же невѣрно объясненныя мѣста изъ Типика Великой церкви (стр. 9, 89—90, 191, 192, 198, 260). Но всѣ эти недочеты вполне покрываются не маловажными достоинствами сочинения. Авторъ не только хорошо изучилъ свой памятникъ, но и обстоятельно познакомился со всею прямо и косвенно относившеюся къ нему литературой; привлекъ даже рукописный матеріалъ (греческій Апостоль XI в. Московск. духовн. академіи). И это дало ему возможность основательно трактовать праздничное богослуженіе Великой церкви и во многихъ случаяхъ дополнить и нѣсколько поправить перваго изслѣдователя и издателя ея Типика (69—70, 79, 104, 191, 369, 372, 374 и др.). Но ничто такъ не располагаетъ насъ въ пользу г. Величкина, какъ его незаурядное трудолюбіе и живой интересъ къ изучаемому предмету. Про него нельзя сказать, что онъ отбывалъ тяжелую повинность, пища сочиненіе, но отъ начала до конца съ любовью относился къ дѣлу и потому вполне заслуживаетъ степени кандидата богословія. Сочиненіе очень хорошее“.

7. Экстраординарнаго профессора Александра Голубцова о сочиненіи студента *Другова Александра*: „Богослуженіе Московскаго Успенскаго собора въ XVII столѣтіи“:

„Давъ общее представленіе во введеніи къ сочиненію (стр. I—XII) о характерѣ и содержаніи главныхъ источниковъ его, авторъ предлагаетъ затѣмъ краткую исторію и довольно пространныя рѣчи о „политическомъ, служебно-исто-

рическомъ и религіозномъ“ значеніи Большаго Успенскаго собора. Нерѣдко видѣвшій по праздникамъ въ стѣнахъ своихъ государя, свидѣтель всѣхъ важнѣйшихъ событій въ его жизни и въ томъ числѣ вѣнчанія на царство, соборный храмъ, по выраженію г. Другова, „долженъ былъ пользоваться въ XVII столѣтіи высокимъ политическимъ значеніемъ“. Какъ центръ русской церковно-богослужебной жизни, въ которомъ по распоряженіямъ патріарха и изволенію царя вырабатывались образцовые литургическіе порядки и откуда распространялись они по церквамъ не одной Москвы, но и всей Руси, соборъ имѣлъ важное церковно-практическое значеніе и оказалъ „несомнѣнное вліяніе на дѣйствующій нынѣ во всей Русской церкви Типиконъ“. А въ глазахъ нашихъ благочестивыхъ предковъ, „домъ пресв. Богородицы“ былъ хранилищемъ обще-русской святости, и мѣстомъ особеннаго присутствія благодатной силы, къ которому невольно въ случаяхъ тяжелыхъ испытаній и опасностей, грозившихъ Москвѣ, а чрезъ нее, какъ сердца Россіи, и всему государству, обращались взоры народа. Высокому значенію собора вполне отвѣчало состояніе совершавшагося въ немъ богослуженія, торжественный характеръ котораго опредѣлялся, съ одной стороны, внѣшне-обрядовымъ направленіемъ религіозности того времени, съ другой — служебными средствами собора. Разсмотрѣнію обстановки патріаршаго служенія, числу служившихъ съ нимъ лицъ, утварямъ и одеждамъ, благовѣсту и звонамъ, какъ и слѣдовало ожидать, авторомъ отведенъ особый отдѣлъ, служащій у него введеніемъ къ обзорѣнію самаго богослуженія. Выходы къ службамъ царя и патріарха, богослуженіе Пасхи и мѣстныхъ праздниковъ Успенскаго собора, такъ называемыя дѣйства и крестные ходы описываются авторомъ довольно подробно и составляютъ предметъ послѣдней и большей части его сочиненія.— Не распредѣливъ заранѣе по рубрикамъ своего матеріала и вообще не обдумавъ плана сочиненія во всѣхъ его подробностяхъ, авторъ приступилъ къ изложенію своего предмета. Отсюда произошли нерѣдкія въ его сочиненіи повторенія (стрр. I, IV, 24—25, 33—34, 40, 128, 159 и др.), и этимъ же слѣдуетъ объяснять разъединенность однородныхъ матерій въ разсужденіяхъ, напримѣръ, о „политическомъ“ и „религіозномъ“ значеніи собора, въ рѣчахъ о крестныхъ

ходахъ и дѣйствахъ. Не отчетливо представлялъ себѣ авторъ и главную задачу своего сочиненія. Путемъ внимательнаго изученія записей устава Успенскаго собора и точнаго сличенія ихъ между собою и съ другими богослужебными памятниками того времени требовалось уяснить отличительныя особенности богослуженія Московскаго Успенскаго собора сравнительно съ литургическою практикой другихъ соборныхъ храмовъ. Между тѣмъ многое изъ сказаннаго теперь о богослуженіи Московскаго собора примѣнимо и ко всѣмъ другимъ соборнымъ церквамъ того времени. Есть у автора преувеличенныя сужденія и прямо невѣрныя утвержденія (стр. 38, 45 — 46, 99, 137, 140, 143, 172), зависѣвшія или отъ поверхностнаго знакомства съ предметомъ, или отъ не-критическаго отношенія автора къ своимъ источникамъ, особенно къ показаніямъ Павла Алеппскаго; попадаются изрѣдка предположенія, въ которыхъ не было нужды, и недомолвки, которыхъ не слѣдовало допускать. Такъ, напримѣръ, для читателя остается неизвѣстнымъ: гдѣ происходило дѣйство страшнаго суда, о какихъ придѣльныхъ священникахъ идетъ рѣчь на стр. 41, почему на Дмитрія Солунскаго полагалось торжественное архіерейское служеніе, что такое воздухи и Іерусалимы въ обстановкѣ великаго входа и „тричисленное“ въ пещномъ чинѣ (стр. 29, 102, 174, 176)? Не безупречно и изложеніе сочиненія, по мѣстамъ растянутае и безъ нужды испещренное буквальными выписками изъ первоисточниковъ (стр. IV—V, 27—29, 62—65, 89—90, 95—96, 161—162), не чуждое уклоненій въ сторону (стр. 17—19, 21—22), неточныхъ и не-литературныхъ выраженій (стр. X, XII, 5, 10, 13, 24, 33, 63 и т. д.), описокъ и даже грубыхъ грамматическихъ ошибокъ (I, 28, 37, 75, 89, 91, 124, 146 и др.). Но при указанныхъ недостаткахъ сочиненію нельзя отказать и въ нѣкоторыхъ достоинствахъ. У автора не было предшественниковъ по работѣ. Не смотря на весьма важное значеніе Московскаго Успенскаго собора въ нашей исторіи и значительный интересъ, представляемый его богослуженіемъ, въ литературѣ кромѣ общихъ, какъ бы случайно оброненныхъ фразъ ничего не имѣется по данному вопросу. Г. Другову приходилось идти не по протоптанной тропѣ и при этомъ имѣть дѣло съ такимъ матеріаломъ, который своею отрывочностію,

мелочностію и однообразієм нагоняеть скуку и на усидчиваго спеціалиста, а отъ случайно взявшагося за обработку его требуетъ не малыхъ усилій надъ собой. И авторъ поборолъ въ возможной для него степени предстоявшія трудности: въ разсужденіяхъ его о значеніи Успенскаго собора не мало совершенно правильныхъ мыслей, общій характеръ богослуженія изображенъ и объясненъ вѣрно; наконецъ самое богослуженіе, какъ и ближайшіе источники его изучены вполне удовлетворительно. Сочиненіе хорошее и его авторъ степени кандидата заслуживаетъ“.

8. Ординарнаго профессора Александра Бѣляева о сочиненіи студента *Зеленцова Василія*: „Библейское ученіе о Промыслѣ“:

„Принимая во вниманіе характеръ и свойства откровеній Божіихъ, содержащихся въ священныя книгахъ, и форму ихъ выраженія, приходится, по мнѣнію г. Зеленцова, „во первыхъ отдѣльно обслѣдовать ученіе Писанія, заключенное въ плотскіе образы, и отдѣльно ученіе, изложенное простымъ, точнымъ языкомъ. Во вторыхъ, сначала приходится изслѣдовать библейское ученіе о промыслѣ въ его логическомъ развитіи, чтобы создать систему библейскаго ученія объ этомъ предметѣ, а потомъ уже становится возможнымъ подробное историческое изслѣдованіе откровенія о промышленности“... „Въ заключеніе изслѣдователь долженъ сопоставить процессъ логическаго развитія библейскаго ученія о промыслѣ съ процессомъ историческаго сообщенія откровеній объ этомъ предметѣ“. Эти задачи самъ авторъ ограничилъ, изслѣдовавши „только общія провиденціальныя воззрѣнія Библии и самыя общіе образы промышленности“.

Осуществляя эти задачи, г. Зеленцовъ раздѣлилъ свое сочиненіе на двѣ части. „Часть I-я. Общія провиденціальныя воззрѣнія Библии. Главы: 1, принципъ промысла; 2, принципъ жизни; 3, условія существованія міра; 4, объ освященіи міра; 5, объ укрѣпленіи немощей міра и врачеваніи его недуговъ и тлѣнія. Часть II-я: общіе провиденціальныя образы. Главы: 1, образъ политической теократіи; 2, образъ домашней теократіи или Божественнаго домоправленія“. Этотъ планъ не выполненъ только въ томъ, что первыя три главы изложены кратко и соединены въ одну главу. Все сочиненіе наполнено библейскими текстами, особенно ветхо-

завѣтными. Нми авторъ изобильно подтверждаетъ и разъясняетъ свои основныя положенія и частныя взгляды и мысли. Къ сожалѣнью, самыя тексты онъ оставляетъ безъ разъясненія, или же поясняетъ ихъ поверхностно и слишкомъ элементарно. Между тѣмъ для богословія важно *изясненное* Писаніе. Другой недостатокъ тотъ, что при объясненіи текстовъ онъ полагается только на свой здравый смыслъ, не прибѣгая къ помощи толкованій ни святыхъ отцовъ, ни другихъ знаменитыхъ толкователей. Только при изясненіи нѣсколькихъ изрѣченій о послѣднихъ временахъ міра онъ ссылается на толкованія Іоанна Златоуста. Впрочемъ самостоятельность автора въ постановкѣ задачъ и основныхъ вопросовъ, въ начертаніи плана и въ разработкѣ всего вообще сочиненія составляетъ высокое достоинство этого послѣдняго. Степени кандидата авторъ достоинъ“.

9. Исправляющаго должность доцента Ильи Громогласова о сочиненіи студента *Зерцалова Григорія*: „Государственное положеніе раскола и гражданскія права раскольниковъ въ царствованіе императора Николая I“:

„Подъ указаннымъ заглавіемъ г. Зерцаловъ представилъ довольно обширное (267 стр. большого формата) и прекрасно составленное изслѣдованіе въ шести главахъ, содержаніе которыхъ кратко указано на стр. 7—8 предисловія, а болѣе подробно—въ видѣ конспекта въ началѣ каждой главы. Это устраняетъ необходимость излагать здѣсь содержаніе разсматриваемаго сочиненія и даетъ возможность прямо перейти къ оцѣнкѣ его научныхъ и литературныхъ качествъ. Въ томъ и другомъ отношеніи трудъ г. Зерцалова заслуживаетъ полной похвалы. Авторъ внимательно изучилъ свои первоисточники—обширный кругъ законодательныхъ и административныхъ постановленій по части раскола въ царствованіе императора Николая I, достаточно полно ознакомился съ существующей литературой изслѣдованій и журнальныхъ статей, такъ или иначе соприкасающихся съ областью его изученія, и—видимо—не мало потрудился надъ обработкою собранныхъ матеріаловъ. Результатомъ этого явилось стройное по плану, чуждое ненужнаго многорѣчія и бесполезныхъ обширныхъ экскурсовъ въ область общеизвѣстнаго, но весьма содержательное изслѣдованіе, съ замѣчательной полнотою обнимающее свой предметъ и дающее ему яркое и

разностороннее освѣщеніе. Только послѣдняя глава носитъ на себѣ нѣкоторые признаки спѣшно-заканчиваемой работы. При всей кажущейся сухости предмета изслѣдованія, изложеніе мыслей въ немъ живое и, за двумя-тремя исключеніями, безукоризненное. Въ общемъ разсматриваемое сочиненіе должно быть признано очень хорошей кандидатской диссертаціей“.

10. Ординарнаго профессора Александра Бѣляева о сочиненіи студента *Ивановскаго Михаила*: „Православное ученіе о Церкви въ связи съ разборомъ римско-латинской книги: *Церковное преданіе и русская богословская литература*“:

„Недавно за границей, въ Фрейбургѣ на Бризговѣ, вышла въ свѣтъ на русскомъ языкѣ книга подъ заглавіемъ: *Церковное преданіе и русская богословская литература*. Въ предисловіи къ этой книгѣ сказано, что авторъ ея умеръ, и что онъ не желалъ издать свою книгу при жизни. Однако издатели его книги и по смерти его не обнародовали его фамиліи. Быть можетъ, книга написана какимъ-либо русскимъ ренегатомъ, перешедшимъ изъ православія въ латинскую вѣру. Въ этой книгѣ содержится защита вышедшей въ 1888 г. въ Берлинѣ также на русскомъ языкѣ книги какого-то паписта о Церкви и вселенскомъ священствѣ и опроверженіе доводовъ противъ латинскаго ученія о папствѣ и о церкви, изложенныхъ въ полемическихъ сочиненіяхъ и статьяхъ покойныхъ—профессора Казанской Духовной Академіи Н. Я. Бѣляева и настоятеля Казанскаго собора въ Петербургѣ протоіерея А. А. Лебедева и здравствующаго доселѣ заслуженнаго профессора Петербургской Духовной Академіи А. Л. Катанскаго. Въ виду того, что профессоръ Бѣляевъ и протоіерей Лебедевъ уже умерли, а потому и не могутъ ничего сказать въ защиту своихъ сочиненій и изложенныхъ въ нихъ православныхъ взглядовъ на Церковь и папство и опровергнуть направленные противъ нихъ возраженія въ книгѣ, напечатанной во Фрейбургѣ, г. Ивановскому и предложено было подвергнуть ученому разбору эту папистическую книгу. Выполняя эту задачу, онъ распредѣлилъ подлежавшій его изслѣдованію матеріалъ на двѣ части, на которыя и распадается его сочиненіе. Первая, бѣльшая, часть сочиненія (13 — 434 стр.) посвящена изложенію православнаго и разбору римско-ла-

тинскаго ученія о единствѣ Церкви. Въ этой части три главы, содержаніе которыхъ указано въ ихъ заголовкахъ. Глава I. Православное ученіе о единствѣ Церкви и разборъ возраженій противъ него, заключающихся въ книгѣ: *Церковное преданіе и русская богословская литература*. Глава II. Ученіе о единствѣ Церкви, заключающееся въ книгѣ: *Церковное преданіе и русская богословская литература*, и разборъ его: а) о главенствѣ Апостола Петра. Глава III. Ученіе о единствѣ Церкви, заключающееся въ книгѣ: *Церковное преданіе и русская богословская литература*: б) о главенствѣ римскаго первосвященника.

Вторая часть сочиненія состоитъ изъ одной главы (435—511 стр.) и содержитъ краткое изложеніе православнаго ученія о непогрѣшимости Церкви и разборъ замѣчаній объ этомъ предметѣ, заключающихся въ рассматриваемой книгѣ.

Изъ вышеизложеннаго видно, что г. Ивановскій рассматриваетъ въ своемъ сочиненіи два предмета: а) православное и римско-латинское ученіе о единствѣ Церкви въ первой части; б) православное и римско-латинское ученіе о непогрѣшимости Церкви во второй части. Православное ученіе объ обоихъ этихъ свойствахъ Церкви онъ излагаетъ въ общихъ чертахъ и кратко. Римско-латинское ученіе о непогрѣшимости Церкви онъ изслѣдуетъ тоже не обширно; но за то онъ удѣлилъ много вниманія и труда изслѣдованію римско-латинскаго ученія о единствѣ Церкви. Римско-латинское ученіе какъ о единствѣ, такъ и о непогрѣшимости Церкви онъ излагаетъ исключительно по книгѣ: *Церковное преданіе и русская богословская литература*. Онъ приводитъ изреченія святыхъ отцовъ и церковно-историческіе факты, какъ тѣ и другіе изложены въ этой книгѣ, и разъясняетъ, что при правильномъ ихъ пониманіи они не подтверждаютъ римско-латинскаго ученія о папѣ, какъ непогрѣшимомъ и единомъ верховномъ главѣ Церкви. Всѣ его усилія направлены къ тому, чтобы показать софистичность и неправильность изъясненія этихъ свидѣтельствъ и фактовъ въ разбираемой книгѣ. Эта задача выполнена имъ удовлетворительно. Оружіе для полемики съ анонимомъ онъ взялъ главнымъ образомъ изъ сочиненій тѣхъ-же Н. Я. Бѣляева и А. А. Лебедева, на которыхъ нападаетъ анонимъ. Само-

стоятельнаго изученія отеческой литературы съ цѣлію извлечь изъ нея доводы противъ папизма, еще не извлеченные православными полемистами, онъ не предпринялъ, конечно, по недостатку времени. Но хорошо уже и то, что онъ умѣло воспользовался матеріаломъ, собраннымъ и обработаннымъ въ главнѣйшихъ произведеніяхъ русской полемической противъ папизма литературы, изложилъ его систематично и далъ отпоръ книгѣ анонимнаго паписта, изобилующей утонченными, искусно поставленными и построенными опроверженіями взглядовъ православныхъ богослововъ. Авторъ сочиненія степени кандидата достоинъ“.

11. Экстраординарнаго профессора Ивана Попова о сочиненіи студента *Купленскаго Александра*: „Преподобный Макарій Египетскій“:

„Сочиненіе г. Купленскаго составлено по простому и естественному плану. Оно раздѣляется на двѣ части. Содержаніемъ первой служить трактатъ объ источникахъ для жизнеописанія преп. Макарія и затѣмъ изложеніе на основаніи этихъ источниковъ его біографіи. Во второй части авторъ разсматриваетъ вопросъ о подлинности твореній св. Макарія и излагаетъ его догматическое и нравственное ученіе.

Крупнѣйшимъ недостаткомъ сочиненія г. Купленскаго служатъ пробѣлы въ тѣхъ пунктахъ, въ которыхъ авторъ могъ бы пополнить существующія изслѣдованія о преп. Макаріи. Сюда нужно отнести 1) болѣе тщательное и детальное сравненіе и сопоставленіе сочиненій преп. Макарія со стороны ихъ содержанія съ данными его житій, которое могло бы пролить свѣтъ съ одной стороны на вопросъ о подлинности сочиненій, приписываемыхъ преподобному Макарію, съ другой на вопросъ о достовѣрности сказаній о его жизни. 2) Прямые историческія свидѣтельства о сочиненіяхъ преп. Макарія очень скудны и ограничиваются почти исключительно надписаніями манускриптовъ. Тѣмъ болѣе основаній было тщательнѣе и подробнѣе изслѣдовать свидѣтельства косвенныя—сочиненія св. Исаака Сирина и компиляцію Симеона Метафраста. Путемъ старательнаго сравненія авторъ долженъ былъ выяснитъ, какія именно бесѣды изъ числа 50-ти изданныхъ, были извѣстны преп. Исааку Сирину и легли въ основу компиляціи Симеона Метафраста. Такое сравненіе могло бы выяснитъ, въ какомъ объемѣ сочиненія преп.

Макарія были извѣстны въ VI и X в.в. Оно могло бы пролить свѣтъ и на свидѣтельство арабской рукописи Ватиканской библіотеки (XI в.), содержащей въ себѣ 26 бесѣд преп. Макарія, изъ которыхъ 12 совпадаютъ съ различными бесѣдами изъ числа 50-ти изданныхъ. 3) Для выясненія вопроса о подлинности и тѣсно связаннаго съ нимъ вопроса о времени происхожденія сочиненій, приписываемыхъ преп. Макарію, автору слѣдовало какъ можно тщательнѣе выяснить: а) отношеніе составителя бесѣдъ, извѣстныхъ съ именемъ преп. Макарія, къ древней философіи, б) его отношеніе къ предшествующимъ церковнымъ писателямъ — главнымъ образомъ къ Оригену и св. Афанасію Великому и в) отношеніе его къ вопросу о благодати и свободѣ. Все это такъ или иначе говорило-бы за или противъ подлинности сочиненій, приписываемыхъ Макарію Египетскому. Правда, вопросъ объ отношеніи бесѣдъ къ пелагианству авторомъ затронуть, но онъ требовалъ болѣе подробной разработки на основаніи изученія восточныхъ писателей современныхъ и нѣсколько младшихъ, чѣмъ преп. Макаріи.

Недостаточное знакомство съ другими памятниками предшествующей и современной преп. Макарію литературы имѣло дурное послѣдствіе и для заключительной части сочиненія автора—изложенія ученія преп. Макарія. Не имѣя яснаго представленія о томъ, какими интересами и идеями были проникнуты другіе писатели этой эпохи, авторъ естественно не могъ ясно отмѣнить тѣхъ особенностей, которыя свойственны исключительно св. Макарію. Съ другой стороны, по этой же причинѣ авторъ не могъ указать, что въ сочиненіяхъ преп. Макарія было плодомъ собственнаго духовнаго опыта и размышленія подвижника и что замѣтено имъ изъ общаго достоянія своей эпохи.

Въ изложенномъ ученіи Макарія Египетскаго не могу не отмѣтить также нѣкоторыхъ частныхъ недостатковъ. Система богословскихъ воззрѣній преп. Макарія очень стройна и послѣдовательна. Центральное значеніе въ ней имѣетъ идея тѣснаго, какъ бы шпостаснаго единенія души челоувѣка съ Богомъ. Она настолько господствовала въ сознаніи преп. Макарія, что отражалась почти на каждомъ пунктѣ его догматическаго и нравственнаго ученія. Понимая такое главенствующее значеніе этой идеи въ ученіи Макарія Еги-

петскаго, авторъ иногда указываетъ ея отношеніе къ нѣкоторымъ частнымъ пунктамъ догматическихъ и нравственныхъ воззрѣній св. Макарія. Но эта точка зрѣнія проведена имъ недостаточно полно и послѣдовательно. Мистическій оттѣнокъ многихъ пунктовъ воззрѣній Макарія отъ него ускользнулъ.

Кромѣ того авторъ не всегда обнаруживаетъ ясное пониманіе терминовъ изучаемаго писателя или же опредѣляетъ ихъ въ слишкомъ общихъ чертахъ, вслѣдствіе чего исчезаетъ ихъ конкретное содержаніе. Такъ, напр., желательно было бы большей ясности въ изложеніи ученія преп. Макарія о вѣрѣ, о разсѣяніи помысловъ (стр. 361—362), плототвореніи (308—309), воплощеніи Сына Божія и др.

Перечисленные недостатки находятъ для себя извиненіе въ томъ обстоятельстве, что тема, избранная г. Купленскимъ для своего кандидатскаго сочиненія, представляетъ значительныя трудности. Неясность преданія о нѣсколькихъ Макаріяхъ, существовавшихъ одновременно, сомнительность источниковъ для жизнеописанія преп. Макарія Египетскаго, сложность вопроса о его сочиненіяхъ—все это требовало отъ автора выдающихся критическихъ способностей, тонкой внимательности къ подробностямъ и научной находчивости. Авторъ не вполне удовлетворилъ этимъ требованіямъ. Онъ проявилъ однако много трудолюбія и старательности. Онъ собралъ и воспользовался всѣми относящимися къ дѣлу источниками, обстоятельно познакомился не только съ главнѣйшими, но и съ второстепенными пособіями, изучилъ въ достаточной мѣрѣ литературу своего предмета. На основаніи всего этого онъ примкнулъ къ болѣе или менѣе принятымъ въ наукѣ взглядамъ, нѣсколько пополнилъ ихъ и изложилъ все это безъ ошибокъ, ясно, наглядно и послѣдовательно. На основаніи перечисленныхъ свѣтлыхъ сторонъ сочиненія считаю г. Купленскаго вполне достойнымъ степени кандидата богословія“.

12. Заслуженнаго ординарнаго профессора Петра Цвѣткова о сочиненіи студента *Левитскаго Александра*: „Три книги о вѣрѣ къ Автолику“—Св. Θεοφιλα Антиохійскаго, какъ памятникъ греческаго языка и словесности“:

„Сочиненіе г. Левитскаго дѣлится на двѣ части. Въ первой части трудъ Св. Θεοφιλα Антиохійскаго разсматривается,

какъ памятникъ греческой словесности: говорится о поводѣ къ написанію сего труда, излагается содержаніе его, а затѣмъ указуются существующія въ настоящее время рукописи и печатныя изданія его. Во второй части, болѣе обширной и несравненно болѣе значительной по своему содержанію, означенный трудъ разсматривается, какъ памятникъ греческаго языка.

Общій выводъ, къ которому пришелъ авторъ относительно языка въ „Трехъ книгахъ о вѣрѣ къ Автолику“, есть слѣдующій: какъ въ лексическомъ и грамматическомъ отношеніи, такъ и въ стилѣ, языкъ св. Теофила представляетъ гармоническое сочетаніе трехъ элементовъ: языка патристическаго, языка ветхо-и ново-завѣтнаго и языка древнихъ греческихъ писателей (стр. 159). Авторъ тщательно изучилъ избранный имъ предметъ и свой выводъ обосновалъ на разсмотрѣніи его съ разныхъ сторонъ. Но нельзя не замѣтить, что его сочиненіе носитъ по преимуществу описательный характеръ. Содержаніе „Трехъ книгъ о вѣрѣ къ Автолику“ изложено поглавно (стр. 34 и слѣд.); догматическія воззрѣнія св. Теофила не приведены въ систему, не разъяснены надлежащимъ образомъ (хотя ср. стр. 49 и сл.), не сопоставлены съ воззрѣніями другихъ древнихъ Отцевъ и Учителей Церкви. Равно и языкъ въ трудѣ св. Теофила авторъ разсматриваетъ, совершенно обособляя его, не становясь на сравнительную точку зрѣнія, не сопоставляя съ словоупотребленіемъ другихъ церковныхъ писателей II и III вѣковъ.

Впрочемъ, какъ монографія по языку одного изъ памятниковъ древнѣйшей святоотеческой письменности, представляющая значительный, хорошо сгруппированный матеріалъ, сочиненіе г. Левитскаго имѣетъ значительную научную цѣнность“.

13. Исправляющаго должность доцента Ильи Громогласова о сочиненіи студента *Лилеева Михаила*: „Критическій обзоръ учебной литературы по исторіи и обличенію русскаго раскола“:

„Названное сочиненіе, общая схема котораго указана въ предпосланномъ ему подробномъ оглавленіи (стр. I—VI), представляетъ рядъ отрывочныхъ замѣчаній по разнымъ вопросамъ расколовѣдѣнія: на 157 страницахъ разгонистаго по-

черка авторъ пытается сопоставить свѣдѣнія и сужденія по этимъ вопросамъ, содержащіяся въ современной учебной литературѣ по исторіи и обличенію раскола, съ результатами ученыхъ изысканій въ этой области и отмѣтитъ несоответствіе тѣхъ и другихъ. При этомъ весь свой ученый арсеналь онъ беретъ изъ чужихъ рукъ, предпочитая говорить буквальными словами указываемыхъ имъ изслѣдованій и не давая себѣ труда навести самостоятельныя справки даже въ такихъ первоисточникахъ, какъ „Матеріалы для исторіи раскола“, изд. Н. П. Субботинымъ. Собственныя сужденія автора въ большинствѣ случаевъ не достаточно продуманы, изложеніе ихъ не отличается литературными достоинствами. Вообще вся работа производитъ впечатлѣніе черновыхъ отмѣтокъ, сдѣланныхъ при первоначальномъ, самомъ бѣгломъ и поверхностномъ ознакомленіи съ предметомъ. Этому соответствуетъ и внѣшній видъ сочиненія, со множествомъ зачеркнутыхъ строкъ и плохо изглаженными замѣтками на поляхъ, сдѣланными неизвѣстно чьей рукой (быть можетъ, самого автора). Въ виду сказаннаго сочиненіе г. Лилеева не можетъ быть признано удовлетворительнымъ для своей цѣли“.

14. Исправляющаго должность доцента Николая Городенскаго о сочиненіи студента *Любомудрова Георгія*: „Нравственное ученіе блаженнаго Августина“:

„Обширное сочиненіе г. Любомудрова (609 стр.) состоитъ кромѣ введенія, въ которомъ авторъ указываетъ задачу и планъ своего изслѣдованія и перечисляетъ свои источники и пособія—изъ двухъ частей. Первая часть содержитъ въ себѣ изложеніе нравственныхъ воззрѣній Августина и состоитъ изъ пяти главъ: 1-я излагаетъ воззрѣнія бл. Августина на предметъ этики и основныя предположенія нравственной жизни человѣка (высшее благо, нравственный законъ, зло, первородный грѣхъ, благодать); 2-я заключаетъ въ себѣ ученіе бл. Августина о добродѣтели вообще и о частныхъ ея видахъ; 3-я—ученіе о грѣхѣ, его источникахъ, развитіи и видахъ; 4-я—ученіе бл. Августина о градѣ Божіемъ и градѣ діавола; 5-я—о нравственномъ вмѣненіи. Вторую часть, гораздо меньшую по объему, авторъ посвящаетъ вопросу о происхожденіи системы бл. Августина (1-я глава) и ея общей характеристикѣ (2-я глава). Наконецъ въ заклю-

ченіи г. Любомудровъ кратко отмѣчаетъ вліяніе этики и психологіи бл. Августина на послѣдующую западную науку.— Достоинство сочиненія г. Любомудрова состоитъ въ полнотѣ и обстоятельности по большей части самостоятельнаго изложенія ученія бл. Августина; авторъ изучилъ это ученіе по источникамъ, т. е. сочиненіямъ бл. Августина, изъ которыхъ нѣкоторые были имъ прочитаны по латинскому подлиннику, другія по русскимъ переводамъ; съ похвальнымъ усердіемъ авторъ собралъ матеріалъ, относящійся къ его темѣ и тщательно подтверждаетъ цитатами все свое изложеніе. Но это же изобиліе цитатъ и собранный въ большомъ количествѣ сырой матеріалъ отразились на сочиненіи и неблагоприятными послѣдствіями. Авторъ не успѣлъ въ достаточной мѣрѣ продумать всю эту массу выдержекъ, изложеніе его получило характеръ механическаго пересказа съ очень слабыми попытками освѣтить собранный матеріалъ и безъ всякихъ попытокъ облечь его въ живую органически-цѣльную систему. Что касается второй части сочиненія, то она не можетъ быть поставлена автору въ научную заслугу: вопросъ о происхожденіи системы бл. Августина, по недостатку времени, не могъ быть разработанъ авторомъ самостоятельно и полно, а характеристика ученія бл. Августина не стоитъ въ органической связи съ его изложеніемъ, не является логическимъ выводомъ изъ него, а имѣетъ видъ случайнаго придатка, представляющаго собою не результатъ самостоятельнаго изученія бл. Августина, а краткое развитіе положеній, заимствованныхъ изъ пособій. Намъ думается, что сочиненіе г. Любомудрова выиграло бы во всѣхъ отношеніяхъ, если бы авторъ попытался дать характеристику ученія бл. Августина при самомъ его изложеніи; тогда изложеніе по необходимости утратило бы характеръ механической передачи по порядку, а характеристика получила бы большую реальность, содержательность и обоснованность. Только что указанные недостатки сочиненія въ значительной мѣрѣ извиняются обширностью предмета и ограниченностью срока, въ какой этотъ предметъ долженъ былъ быть изученъ, а достоинства сочиненія, проявившіяся въ полнотѣ и обстоятельности изслѣдованія, требовавшаго большаго и усидчиваго труда, даютъ автору полное право на получение степени кандидата“.